Яна Сумерина

ВОДА ПОД ДОМОМ

Мёртвые возвращаются.
Если живые не умеют отпускать.

Яна Сумерина

Вода под домом

«Автор»
2026

Сумерина Я.

Вода под домом / Я. Сумерина — «Автор», 2026

Восемь месяцев назад Нина похоронила мужа. Сегодня он постучал в дверь.После смерти матери она возвращается в Тихореченск — тихий город у водохранилища. Хочет продать дом и уехать. Но на третью ночь на крыльце появляется Артём. Он замёрз, помнит их жизнь и просит впустить его.Нина открывает дверь.Сначала ей кажется, что самое страшное позади. Потом под ванной появляется лестница. Артём начинает тонуть во сне, а в городе бесследно исчезают люди.Соседи знают, откуда возвращаются мёртвые. Мать Нины тоже знала — и оставила после себя семейные фотографии, с которых кто-то старательно удалил лицо ребёнка.Теперь из глубины дома доносятся знакомые голоса. Они обещают вернуть всех, кого Нина потеряла.Нужно только открыть ещё одну дверь.«Вода под домом» — мистический триллер о затопленном посёлке, семейных тайнах и любви, ради которой страшно впустить — и ещё страшнее отпустить.

© Сумерина Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Яна Сумерина
Вода под домом

Глава 1

ВОДА ПОД ДОМОМ

Глава первая

Сухое полотенце

Ключ не подходил.

Нина перевернула его, попробовала ещё раз и только тогда поняла, что держит ключ от своей квартиры. От той, где восемь месяцев не могла заставить себя переставить вторую подушку.

На кольце было четыре ключа. Маленький — от почтового ящика. Длинный, с красным пластиковым колпачком, — от материнской двери. Два остальных она не узнавала. Один был старый, плоский, с остатками зелёной краски. Другой совсем новый. На нём ещё виднелась цена, написанная маркером на бумажном ярлычке.

Красный вошёл легко.

Дверь открылась на ладонь и упёрлась во что-то мягкое.

— Да что ж такое.

Нина толкнула сильнее. По линолеуму прошуршала ткань. В щели показалось вафельное полотенце, свёрнутое жгутом и уложенное вдоль порога.

Она переступила через него вместе с дорожной сумкой.

В доме пахло яблоками, остывшей печью и материнским кремом для рук. Тюбик этого крема Нина видела вчера в пакете с вещами из больницы. На шве засохла белая капля. Она собиралась выбросить тюбик, но положила обратно.

Здесь запах был свежее.

Нина остановилась, не закрывая дверь. После дороги ей казалось, что пол чуть покачивается. Автобус шёл четыре часа, последние сорок минут — по разбитой объездной, мимо лесопилки и старых гаражей. В Тихореченске она не была почти три года. На похороны приехала только к кладбищу: знакомый участковый встретил у трассы, отвёз, потом вернул в гостиницу.

Вчера она не захотела оставаться в доме.

Сегодня гостиницу надо было оплачивать ещё на сутки, и это почему-то решило всё.

Она закрыла дверь. У нижней петли темнела полоса, словно древесина намокла. Полотенце оказалось сухим.

На вешалке висела материнская куртка. Из кармана торчал сложенный пакет магазина «Берег». Под курткой стояли калоши с налипшей землёй. Одну мать развернула носком к стене — всегда так делала, чтобы за неё не зацепиться.

Нина поставила сумку и сказала:

— Мам?

Слово получилось негромким и деловым. Так она звала мать, когда приезжала ненадолго и хотела сразу понять, где та: на кухне, во дворе или у соседки.

Из глубины дома донёсся металлический щелчок.

Остывала печь.

Нет. Печь не топили по меньшей мере четыре дня.

Нина сняла куртку.

* * *

От автобусной остановки до дома она шла через старый район. Здесь мало что изменилось. На углу всё ещё лежала бетонная труба, которую собирались уложить в канаву, когда Нина училась в девятом классе. Теперь внутри трубы стояла расколотая детская коляска. Над магазином выцвело слово «Продукты»; букву «ы» прикрутили другим боком. В окне парикмахерской горела одна лампа, освещая пустое кресло.

Тихореченск строили для людей, которые должны были остаться ненадолго. Они приезжали возводить плотину, получали комнаты, потом квартиры, потом участки. Временные бараки обшивали кирпичом. Временные дороги латали щебнем. Люди старели, а город продолжал выглядеть так, словно основные работы начнутся следующей весной.

Мать любила повторять, что раньше здесь было лучше. Нина не была уверена. В детстве ей нравились красные огни на плотине и запах горячего хлеба у пекарни. Не нравились пьяные мужчины возле лодочной станции и длинный забор насосной, вдоль которого зимой приходилось идти в школу по темноте.

Сегодня у забора стоял мальчик лет двенадцати. Без шапки, в расстёгнутой куртке. Нина обратила на него внимание, потому что он держал телефон у самого уха, но экран оставался чёрным.

— Замёрзнешь, — сказала она, проходя мимо.

Мальчик не ответил. Смотрел между досками, туда, где за кустами лежало водохранилище.

У поворота Нина оглянулась. Он стоял на прежнем месте. Телефон уже опустил, а голову продолжал держать наклонённой, будто слушал.

Вода была почти не видна. Только узкая серая полоса под низким небом. В детстве Нина думала, что на другом берегу начинается море. Отец обещал отвезти её на настоящее, но так и не отвёз.

Потом уехал сам.

На кухне материнского дома было холоднее, чем в прихожей. Клеёнка на столе новая: белая, с крупными лимонами. На подоконнике стояли банки с зелёными помидорами. В одной поднялась крышка.

Две чашки были перевёрнуты на сложенной салфетке.

Одну Нина узнала. Материнская, с золотой полоской по краю. Вторая — синяя, толстая, с отколотой ручкой. Из неё пил отец.

Нина подняла её, провела пальцем по белому сколу.

Отец исчез из их жизни, когда ей было семь. Мать говорила: сначала поехал на заработки, потом нашёл другую женщину. В разных пересказах менялись город, работа и время года. Сам уход оставался неизменным.

Чашку почему-то сохранили.

На холодильнике магнитом прижимало квитанцию. Сумма за электричество была обведена ручкой. Рядом висел список: хлеб, батарейки, нитки чёрные, соль.

Нина прочла его дважды. Потом открыла холодильник.

В кастрюле застыл суп. На верхней полке лежали половина лимона, масло и два яйца. Сыр покрылся сухой коркой.

Она начала вынимать продукты. Это было легче, чем заходить в спальню.

Мать всегда спрашивала по телефону, ест ли Нина горячее. Последний раз спросила во вторник. В среду утром соседка нашла её на кухне.

Пока Нина завязывала мусорный пакет, в заднюю дверь постучали.

* * *

Вера Павловна держала кастрюльку, обёрнутую полотенцем. Сиреневая шапка съехала набок. Пуховик был застёгнут не на те кнопки.

— Я видела, ты приехала.

— Здравствуйте.

Соседка посмотрела на мусорный пакет.

— Уже выбрасываешь?

— Продукты испортились.

— А. Ну да. Конечно.

Она сказала это так, будто Нина должна была догадаться выбрасывать что-то другое.

В молодости Вера Павловна работала в школьной канцелярии. Нина помнила её за стеклянной перегородкой: белая блузка, связка ключей, губы в тёмной помаде. Теперь помады не было, а кожа возле рта собралась мелкими складками.

— Рассольник, — сказала соседка. — Без почек. Ты ведь не любила.

— Спасибо. Не стоило.

— А что ты будешь есть?

— Куплю что-нибудь.

— Магазин до восьми.

Было без двадцати пять.

Вера Павловна поставила кастрюлю на плиту. Оглядела кухню, задержалась взглядом на чашках, потом прошла к прихожей.

— Полотенце убрала?

— Оно под дверью было. Сквозит?

— Бывает.

Соседка наклонилась, подняла полотенце и провела ладонью по линолеуму.

— Что-то протекает? — спросила Нина.

— Нет.

— Вы пол щупаете.

— Да я вижу, что сухо.

Она выпрямилась, прижимая полотенце к животу. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Мать твоя в последние дни плохо спала, — сказала наконец Вера Павловна. — Уставала.

Нина поставила пакет на пол.

— Она вам жаловалась?

— Не то чтобы жаловалась.

— Мне говорила, всё нормально.

— Матери много чего не говорят.

Нина отвернулась к раковине. На кране висела капля. В ней отражалось маленькое перевёрнутое окно.

Вчера на поминках уже нашлись люди, которые знали, что мать выглядела слабой, реже ходила в магазин, похудела. Все заметили. Все вспомнили об этом после.

— Я ей звонила, — сказала Нина.

— Да я знаю.

— Каждый второй день.

— Ниночка, я не об этом.

Капля ударила по металлическому дну раковины.

Вера Павловна обернулась слишком быстро.

— Кран старый, — сказала Нина.

— Он и раньше капал.

Соседка подошла и провернула вентиль. Сначала до упора, потом обратно, совсем немного. Посмотрела на слив.

— Ты надолго?

— Документы оформить. Домом заняться.

— Продать хочешь?

Нина пожала плечами.

— Мне здесь жить незачем.

— Работа у нас есть. В больнице всё время люди нужны.

— Я знаю.

— Так, может...

— Не знаю, Вера Павловна.

Соседка кивнула. Положила полотенце у порога так аккуратно, словно поправляла край одеяла.

— Лида как? — спросила Нина, желая сменить тему.

— Дома.

— Я понимаю. Со здоровьем как?

— По-всякому.

Дочь соседки Нина помнила плохо. Взрослая девушка, тёмная коса, сумка с длинным ремнём. Потом Лида заболела. Мать говорила, что с нервами, и запрещала расспрашивать.

— Передавайте привет.

— Передам.

Вера Павловна застегнула пуховик, снова промахнувшись кнопкой.

— Печь сегодня затопи. Дрова под навесом. И дверь на ночь закрывай. Тут замок заедает, надо до конца повернуть.

— Вера Павловна.

Соседка остановилась.

— Спасибо вам. За маму.

Та опустила глаза.

— Я поздно пришла.

— Вы не могли знать.

Ответа не было так долго, что Нина пожалела о своих словах.

— Воду ночью не слышала? — спросила соседка.

— Я только приехала.

— Ну да. Я же видела.

Она открыла дверь. Потянуло дымом и мокрой землёй.

— Если постучат, сначала свет включи. Не спеши открывать.

Нина попыталась улыбнуться.

— Тут теперь небезопасно?

Вера Павловна не улыбнулась.

— Сначала посмотри, сухой ли порог.

Когда она ушла, Нина отодвинула полотенце носком ботинка. Линолеум был сухой.

* * *

К шести стемнело. Нина принесла дрова, расщепила ножом лучину и растопила печь. Одно полено упорно не хотело загораться, хотя казалось совершенно сухим. Она вынула его щипцами. На срезе темнел сучок, похожий на закрытый глаз.

Раньше она не замечала за собой привычки видеть лица в предметах. После смерти Артёма начала. Узор на плитке в метро, складка куртки, случайное отражение в автобусном окне. На долю секунды мозг предлагал невозможное, потом торопливо исправлялся.

Она съела рассольник прямо из кастрюльки. Солёный огурец обжёг язык. Это была первая горячая еда за день.

Телефон заряжался возле розетки. На экране появилось уведомление: «Освободите место в облачном хранилище».

Следом — другое.

Годовщина свадьбы.

Нина смотрела, как гаснет экран. Коснулась пальцем, снова зажгла.

Девять лет.

В календаре стояло ежегодное повторение. Артём настроил его сам после того, как однажды забыл дату и пытался уверить, что сюрприз запланирован на выходные.

Тот вечер она помнила лучше свадьбы. Курицу-гриль, купленную по дороге. Дешёвое вино, которое так и не открыли. Артём ел стоя у раковины, а она сердилась, что он даже не переоделся после работы.

Потом он протянул телефон.

— Поставь напоминание. Мне.

— Чтобы я ещё и следила?

— Чтобы техника следила. Ты же говоришь, я безнадёжный.

Он выбрал ежегодное повторение и показал экран, довольный тем, как удачно разрешил вопрос.

Нина открыла календарь. Нашла пункт «Удалить событие».

Телефон предложил выбор: только это событие или все будущие.

Она заблокировала экран.

В комнате стало достаточно тепло, чтобы снять свитер. Нина прошла в материнскую спальню.

Кровать была застелена коричневым покрывалом. На тумбочке лежали очки, журнал и блистер с двумя таблетками. Тапочки стояли возле шкафа, будто мать разулась, чтобы достать что-то с верхней полки.

Платья висели в чехлах из пододеяльников. Внизу лежали простыни, стянутые старым ремнём. Коробка из-под обуви была подписана: «Нинино».

Внутри оказались школьные грамоты, сломанная заколка, конверт с молочными зубами и фотография, где Нина сидела у отца на плечах.

Лицо у него было не таким, каким она его помнила.

Вернее, лица она почти не помнила. Помнила ладони, волосатые предплечья, запах сигарет и шерстяного свитера. На снимке он выглядел молодым и сердитым, щурился от солнца. Нина держалась за его волосы.

Мать стояла позади и смотрела не в объектив, а куда-то вправо. Край фотографии был неровно обрезан.

На обороте написано: «Июль». Без года.

Нина положила снимок обратно и открыла нижний ящик.

Там лежало мужское бельё. Две майки, трусы, шерстяные носки. Всё выстирано и сложено небольшими стопками. Сверху — белое махровое полотенце с ещё заметным магазинным сгибом.

Она присела на край кровати.

Потом достала майку. Большая. Отцу подошла бы, наверное. Она не знала.

Мать могла купить вещи на распродаже. Для больницы. Для соседа. Могла собирать помощь, хотя никогда не рассказывала о таком. Нина вообще мало спрашивала, что у неё происходит, кроме давления и погоды.

Из ванной донёсся звук воды.

Не капля. Короткая струя, словно кто-то открыл кран, смочил пальцы и закрыл.

Нина подняла голову.

— Да господи.

Она прошла по коридору и толкнула дверь.

Кран молчал.

Узкая ванна, раковина на металлическом кронштейне, стиральная машина. Над ней — зеркало с потемневшими краями. Маленькое окно выходило во двор, на поленницу. Комната оставалась холодной, несмотря на печь.

Из душевой лейки упала капля.

Нина потрогала вентили. Холодный закручен крепко, горячий поддался ещё на четверть оборота. Трубы давно требовали замены. Мать не хотела ремонта: говорила, что после него всю жизнь придётся отмывать дом.

На краю ванны стояла мыльница. Рядом лежала синяя мужская бритва.

На лезвиях ни волоска.

Новая.

Нина взяла её двумя пальцами, подержала и положила обратно. Потом вернулась в спальню и задвинула ящик с бельём до упора.

* * *

В половине девятого она вышла во двор за оставшейся сумкой. Забыла её у калитки, когда искала ключи.

Над водохранилищем стоял низкий свет. Не луна — огни гидроузла подсвечивали туман. Со стороны плотины тянулся ровный гул, к которому Нина в детстве привыкла настолько, что в городе, куда уехала учиться, первые недели не могла уснуть в тишине.

В соседнем доме горели два окна. В одном мелькнула Вера Павловна. Она стояла спиной и, кажется, расчёсывала чьи-то длинные волосы.

Нина отвела взгляд. Ей стало неловко, словно она заглянула в больничную палату без стука.

На дороге щёлкнул велосипед. Мальчик с телефоном проехал мимо калитки, медленно, без фары. На руле висел пакет. Нина хотела спросить, не холодно ли ему, но вспомнила, что уже говорила это днём, и промолчала.

Мальчик остановился у поворота.

— Вы в этот дом приехали? — спросил он.

— Да.

— Насовсем?

— Пока не знаю.

Он посмотрел на тёмное окно ванной.

— Там раньше по ночам свет был.

— Мама плохо спала.

Мальчик кивнул с такой серьёзностью, будто получил нужное объяснение.

— У вас калитка не закрыта, — сказал он.

— Сейчас закрою.

Он поехал дальше. Шины шуршали по мокрому асфальту, пока звук не потерялся в гуле плотины.

Нина взяла сумку и оглянулась на дом. В ванной было темно. Конечно, темно. Она сама выключила свет.

Но дверь комнаты оставалась приоткрытой, и из коридора на потолок падала узкая жёлтая полоса. На секунду показалось, будто в этой полосе кто-то стоит.

Она подошла ближе.

На верёвке висело полотенце.

Нина заперла калитку.

* * *

В десять позвонила подруга. Нина соврала, что уже ложится.

— Как дом?

— Нормально.

— Тяжело?

— Пока некогда.

На том конце помолчали.

— Ты хоть ела?

— Да.

— Если что, звони. Хоть ночью.

— Хорошо.

— Я серьёзно.

— Знаю.

После разговора Нина ещё несколько секунд держала телефон у уха. В последние месяцы люди часто говорили ей, что можно звонить ночью. Она ни разу не позвонила. Ночью любое горе казалось слишком большим, чтобы пересказать его другому человеку, лежащему в тёплой постели.

Она вымыла тарелку, проверила печь, заперла обе двери. Полотенце у порога оставила.

Спать решила в старой детской. Мать превратила её в кладовую, но кровать сохранилась. Пришлось снять коробки и переставить сушилку. На обоях у изголовья остался прямоугольник более яркого цвета. Когда-то там висел плакат. Какой — вспомнить не удалось.

Нина легла, подложив под голову дорожную кофту. Подушка пахла домом, и этот запах не давал расслабиться.

За стеной потрескивало. Машина медленно проехала по улице, свет скользнул по потолку. Потом стало слышно, как в печи оседают угли.

Она открыла телефон.

В переписке с Артёмом последнее сообщение было её: «Ну и молчи».

После него — три непринятых вызова. Он звонил незадолго до аварии.

Следователь говорил, что установить точное время сложно. Машину нашли утром. Часы на панели остановились, но это ничего не доказывало.

Нина закрыла переписку. Открыла снова.

Выше были обычные сообщения. Купи хлеб. Какой? Нормальный. Очень конкретно. Не тот, который крошится. Они все крошатся, Нин.

Ещё выше — фотография собаки возле мастерской. Голосовое на восемь секунд. Она не включила.

Они ссорились из-за денег, но не только. Деньги были удобным предметом: можно назвать сумму, показать выписку, спросить, почему не предупредил. Нельзя было так же просто объяснить, каково это — жить рядом с человеком, который отмалчивается, пока ты не начнёшь кричать, а потом смотрит на тебя с обидой.

Она сказала ему уйти.

Не навсегда. На вечер, на ночь, хоть куда-нибудь, лишь бы перестать видеть это лицо.

Теперь память не позволяла добавить ни «на вечер», ни «на ночь». Оставляла одно слово.

Нина положила телефон экраном вниз.

Когда-то Артём спросил, почему она всегда уходит в другую комнату, если сердится.

— Чтобы не сказать лишнего.

— Тогда говори, что уходишь. Ты только не уходи молча.

Ей захотелось услышать эту фразу. Не запись — как он говорил её тогда, босой, с кружкой в руке. Не упрекая. Просто объясняя, что ему страшно, когда она замолкает.

Нина перевернулась на другой бок.

В ванной открылась вода.

* * *

Она услышала отчётливо: скрипнул вентиль, струя ударила в раковину.

Нина лежала неподвижно.

Вода текла.

Она села, нащупала тапочки. Почему-то старалась не шуметь. Взяла телефон, но не включила фонарик.

В коридоре было темно. Свет с улицы едва обозначал дверные проёмы. Нина нажала выключатель. Лампа мигнула и загорелась.

Дверь ванной была приоткрыта. Она точно помнила, что закрывала её: из комнаты тянуло холодом.

— Вера Павловна?

Глупо. Соседка не могла попасть внутрь, да и незачем ей ночью мыть руки в чужом доме.

Нина толкнула дверь.

В раковину била тонкая струя. Над краном, как ей показалось, поднимался пар.

Она закрыла вентиль. Подставила ладонь под последние капли. Вода оказалась едва тёплой.

Пар, наверное, показался.

Нижняя половина зеркала запотела.

Нина выдохнула и увидела слабое облачко собственного дыхания. В ванной по-прежнему было холодно.

На стекле проступала тонкая вертикальная черта. Она решила, что это потёк: капля медленно спускалась, оставляя прозрачную дорожку.

Рядом появилась вторая. Затем короткий изгиб.

Нина подняла руку, но не коснулась стекла.

Буквы проявлялись неровно, словно кто-то когда-то написал по запотевшей поверхности, а теперь вода возвращала старый след.

ТЫ ТОЛЬКО

Она перестала дышать.

НЕ УХОДИ

Нина шагнула назад и ударилась бедром о стиральную машину.

МОЛЧА

Последняя буква получилась ниже остальных. Из её хвостика вытянулась капля.

Нина смотрела на надпись. Потом быстро, почти зло, провела ладонью по зеркалу.

Стекло стало прозрачным. На коже осталась вода.

— Хватит, — сказала она.

В пустой комнате это прозвучало слишком громко.

Она повернулась к двери, но остановилась. Нужно было что-то сделать, не просто уйти. Проверить окно. Кран. Трубы.

Окно закрыто на обе защёлки. Ванна сухая. На полу возле раковины несколько капель, которые она сама стряхнула с руки.

Нина включила камеру и сфотографировала зеркало. На снимке отразилась женщина в растянутой футболке, с покрасневшими глазами. Надписи уже не было.

Она приблизила изображение. В правом нижнем углу темнел край ванны. Никакой фигуры, никакого лица. Почему-то это немного успокоило.

Она открыла шкафчик под раковиной. Средство для чистки, таз, пакет со старыми тряпками. Задней стенки не было. Из штукатурки выходила сливная труба.

Ничего необычного.

Нина закрыла дверцу.

Стук раздался снизу.

Три коротких удара.

Она не пошевелилась.

В старой квартире у них с Артёмом плохо работал звонок. Он возвращался из мастерской поздно и стучал так, чтобы она знала: свой. Три раза костяшкой, не слишком громко. Нина отвечала одним ударом по двери, пока искала ключ.

Он смеялся, что они похожи на людей, скрывающихся от кредиторов. Потом перестал смеяться, когда кредиторы появились на самом деле.

Теперь звук пришёл из-под ванной.

Не из стены. Не из трубы.

Оттуда, где под чугунной чашей было тесное пространство, закрытое пластиковой панелью.

Нина опустилась на корточки. Левое колено хрустнуло. Она держалась за край ванны, чувствуя под пальцами холодную эмаль.

— Кто здесь?

Вопрос показался настолько нелепым, что на мгновение захотелось рассмеяться.

Ответа не было.

Между панелью и полом оставалась щель, забитая пылью. Белел уголок бумажной этикетки. Нина протянула руку и остановилась.

Нужно позвонить. Кому-нибудь. Сказать: в доме кто-то есть. Это нормальная причина. Полиция приедет, посмотрит, обнаружит животное или лопнувшую трубу. Глеб будет недоволен, но приедет.

Телефон лежал на стиральной машине, в пределах вытянутой руки.

Три удара повторились.

Близко. Прямо под её ладонью.

Она ударила в ответ один раз.

Сделала это сразу, привычно, раньше, чем успела остановить себя.

В доме стало тихо. Не слышно было даже печи.

Нина оставалась на корточках, прижав пальцы к холодному полу. Внезапно ей показалось, что сейчас она вспомнит нечто очень старое: эту ванную, свет под дверью и мать, которая держит её за плечо так крепко, что утром останутся следы.

Но воспоминание не пришло.

Под ванной кто-то осторожно передвинулся.

Нина смотрела на узкую щель. Из темноты показался край мокрой ткани — серый, тяжёлый. Он медленно протянулся по доскам к тому месту, где лежала её рука.

Она должна была отдёрнуть пальцы.

Вместо этого наклонилась ближе.

— Артём?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.